

второй и последний абзацы превышают объем обычной стихотворной строки. Общий контекст прозаический, запись — с полями как у прозы, но звучание главки по большей части неотличимо от звучания стиха:

«Светлая летняя ночь.

Там созревают плоды, и зарницы, шныряя, колышат колосья.

Одинокие звездочки смотрят на землю.

Где-то за тюрьмою поют.

Собачонка тявкает тупо.

И песня уходит.

Как тихо, как мертвенно тихо!

Слышу время, время стучит, убегает —

Ничего не хочу, ничего мне не надо. Слышу время, время стучит,

убегает» [15, с. 42—43].

Почему повторяющиеся слова о времени Ремизов то выносит в отдельную строку — абзац, то оставляет в составе другого абзаца, догадаться трудно. Вероятнее всего, для него это не так уж принципиально, главное, чтобы была вообще прерывистость плавной речи — такое довольно парадоксальное сочетание.

Во второй части повести «В плену» бесспорной метризации нет. 1-я главка третьей части, посвященной ссылке («В царстве полуночного солнца»), начинается с метризованной прозы, чрезвычайно напоминающей свободные стихи Фета, в основе тоже трехсложниковые:

«Стою на трапе.

Далеко за рекою раскинулась ночь, последняя летняя.

— И за что я люблю тебя, светлая ночь!

Вереницей идет и вливается в сердце тысячу раз повторенное» [15, с. 58].

Далее, хотя главка не вся метризована, подчеркнутая строка «— И за что я люблю тебя, светлая ночь!» повторяется как рефрен. Последующая невыдержанная метризация [15, с. 58—61] сменяется в главках 5 и 6 вновь короткими метризованными строчками, из них только в двух по 7 иктов и в двух 8 и 9 [15, с. 61]. В главке 8 «Радуга», где говорится о лесных сверхъестественных существах, — метризация без версэ, т. е. в сравнительно крупных абзацах [15, с. 64], а в 9-й («Белая гостья») после сомнительной трехсложниковой метризации вдруг возникает двусложник, сначала практически как стих, потом как «мнимая проза», потом как расчлененная метризованная проза, переходящая было в обычную и вновь возвращающаяся к метризации.

«(. . .)

И тишина настала.

Вдруг вой прорезал небо.

Всю ночь метель кричала, бросая белым снегом».

Здесь даже рифмы есть, но четверостишие записано в три строки с небольшими полями, как в прозе («мнимой»). Продолжение — в другом (по числу стоп) размере, который, однако, не стабилизируется.

«Наутро выглянуло солнце.

Зима плясала быстро-быстро.

А вместе с нею плясали оснеженные ели. Измученные волны обдавали берег серою пеной».